

ЛИНА ЛИЧМАН

За всё
нужно
платить

МОНЕТЫ С ТОГО СВЕТА

18+

Лина Личман

**Монеты с того света, или
За всё нужно платить**

«Автор»

2026

Личман Л.

Монеты с того света, или За всё нужно платить / Л. Личман —
«Автор», 2026

Она просто хотела помочь другу. Но за всё в этой жизни приходится платить. Александра оказывается втянута в цепочку событий, где случайностей не бывает, а каждый шаг тянет за собой последствия. Одна просьба, одна находка — и её привычная, понятная жизнь превращается в опасную игру, из которой уже не выйти без потерь. Чужие тайны, старые долги, ложь, за которой не отличить живых от мёртвых, — и люди, для которых чужая жизнь имеет свою, очень разную цену. Но самое страшное — не то, что идёт за ней по пятам. Самое страшное — понять, что по этому счёту уже заплачено вперёд. И что платить придётся снова. Это история не о деньгах и не о погоне за ними. Это история о цене, о выборе и о семье, которую собирают по кусочкам, когда она не достаётся даром.

© Личман Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Монеты с того света, или За всё нужно платить

Глава

Все персонажи и события данного произведения являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны. Действие романа происходит в 20 12 году.

Машина стояла на перекрестке вот уже минут двадцать. За это время светофор несколько раз включался зеленым, но автомобиль не двигался, а всё продолжал стоять. Это был старый и побитый жизнью Мерседес. Номера были настолько заляпаны, что сквозь комья грязи не просматривался даже регион. При этом само авто сияло идеальной чистотой, будто бы только что выехало из мойки. Грязные номера и вылизанный кузов, в моём сознании как-то не стыковались.

Я бы, может, и не обратила на неё внимания: машина, как машина. Чёрного цвета, с наглухо тонированными стёклами, таких тачек на улицах Москвы сотни. Но чувство, что кто-то сверлит своим взглядом мой затылок, не покидало. В который раз я искоса посмотрела на странный Мерс. Двигатель работал, потому как из трубы глушителя валил дым. Не удивительно, ведь на улице был минус, а сидеть в холодной машине, думаю, приятно мало. Так чего же тогда ждёт водитель? И не по мою ли душу он тут нарисовался?

Словно в подтверждение моих догадок, стекло со стороны пассажира немного съехало вниз, и из авто потянуло сигаретным дымом. Я присела, как будто собиралась завязать шнурки, а сама сквозь образовавшуюся щель попыталась заглянуть в салон. Тот, кто находился в машине, видимо, почувствовав мой интерес, окно закрыл, и ничего кроме кусочка красной материи мне рассмотреть не удалось. Чертыхнувшись сквозь зубы, я приняла исходное положение и ещё раз посмотрела по сторонам.

«Если Валентин сейчас не придет, плюну и поеду домой», — думала я, сама же продолжила стоять на тротуаре и ждать, время от времени косясь в сторону подозрительной тачки.

Минуя меня, народ бежал по своим делам, злые и озабоченные лица сменялись, как в калейдоскопе. Черт меня дернул согласиться на уговоры Вальки и тащиться сначала на один конец города, чтобы забрать эту долбаную сумку, потом на другой, чтобы эту самую сумку отдать. Войковская — не ближний свет, если ты живешь в Орехово. Метро Каширская, где Валька должен был меня ждать — близко. Но я сказала ему, что у меня есть планы на вечер. Тут я, конечно, маленько приврала, планов у меня не было, просто было лень. К тому же поклажа оказалась не из легких, да и Валя опаздывал уже на полчаса. Ноги начали подмерзать, нос превратился в замороженный помидор. Дальше ждать не имело смысла, и я пошла ко входу в метро.

Случайно обернувшись, в сторону не дававшего мне покоя мерседеса, увидела мужчину в яркой красной куртке и такой же яркой бейсболке, который видимо наконец-то решил покинуть свое убежище. Яркая одежда, как-то не сочеталась с неприметной машиной, и на душе вдруг стало тревожно. Сердце забилося учащённо, а дышать стало тяжело. Чувство опасности нарастало, и ноги помимо моей воли понесли меня мимо входа в метро, мимо остановки, куда-то в подворотни. Обернувшись, я увидела красную куртку. Он бежал за мной. Значит, предчувствие меня не обмануло.

«Он бежит за мной? Блин, во что я опять вляпалась? Или не я, а Валька? Так как за мной за последние пару месяцев, кроме сломанного носа моего студента, ничего не числилось... Идею о том, что это по мою душу — отбрасываем. Так какого же хрена тогда, спрашивается?»

— подумала я и прибавила ходу. Несмотря на то, что преследовать меня вроде бы не за что, останавливаться я не спешила.

Бежать со своей поклажей было очень затруднительно. Сумка оттягивала плечо, а её ручка больно врезалась в кожу. Уже заскакивая в подъезд незнакомого дома — слава Господу и рукастым подросткам, что кодовый замок сломан, — начала задавать себе вопрос: «А чего ради я улепётываю»?

Ответ был прост: чувство опасности, к слову сказать, не подводившее меня ни разу, нашептывало, что надо поскорее уносить отсюда ноги. А своему чутью я верила свято. Став между вторым и третьим этажами, посмотрела в окно и чертыхнулась, потому как внизу мелькнула красная куртка. Можно было бы начать себя убеждать, что все это только показалось, но на зрение мне жаловаться не приходилось. Ни раньше, ни теперь.

Незнакомец стоял внизу и озирался по сторонам, наверное, решал, какой подъезд проверить первым. В этом доме было шесть подъездов. Если я, конечно, вбегая во двор успела правильно их сосчитать. А это значит, что на их проверку у него уйдет какое-то время. Хвала небесам, если сломанные замки окажутся еще хотя бы в двух подъездах, а если нет?

Если бы знала во что выльется Валькина просьба забрать эту тяжеленную сумку, — послала бы его ко всем чертям. Но будущее своих карт не открывает заранее, и я, дурёха, шагнула прямо в него. Ладно, чего теперь сопли размазывать? Надо думать как выбираться отсюда и живее.

Стараясь не шуметь, я начала подниматься на последний этаж. Идея воспользоваться лифтом выглядела очень заманчиво, особенно учитывая тяжесть моего баула, но здравый смысл призывал к тому, чтобы не делать этого. Я уже почти добежала до последнего, девятого этажа, когда снизу послышался торопливый топот ног.

Проклиная Вальку с его просьбами, я ускорила шаг. Добравшись до конечного этажа, чуть не завывала в голос. Подъем к чердачному ходу был зарешечен, а на двери висел огромный замок. Но в критические моменты моей жизни разум сам каким-то волшебным образом находит выход из самого, казалось бы, пропащего случая. Глаза сразу зацепились за небольшой проём в решётке, огораживавшей подъём к чердаку. Не зная ещё, получится ли в него проскользнуть или нет, я уже просовывала туда сумку.

Спасибо тебе, скудный детдомовский паёк и отсутствие в моей жизни бабушкиных пирогов: всю жизнь я была мелкой и худой, как подросток, и впервые за двадцать восемь лет об этом не пожалела. Сердце колотилось где-то в горле, в ушах шумело, ладони, скользкие от страха, плохо держались за холодные прутья. Ржавый металл неприятно впивался в пальцы, куртка цеплялась за торчащую проволоку, а где-то внизу гулко отдавались шаги, заставляя меня замирать после каждого движения. Сумка цеплялась за всё подряд, ручка впивалась в плечо, но бросить её я не могла — дурацкое чувство долга оказалось сильнее инстинкта самосохранения. Я лезла наверх, в темноту, к чердачной двери, и молилась только об одном: чтобы она оказалась открыта. И чтобы тот, кто пыхтел где-то внизу, и впрямь не протиснулся в эту щель следом за мной.

Пытаясь быть как можно тише, я двинулась к заветной двери. Каждый шаг казался оглушительно громким, хотя на самом деле слышала их, наверное, только я. Решётка в любом случае давала мне преимущество во времени, только бы чердачная дверь оказалась открытой. Наверное, Бог внял моим молитвам, потому как, потянув за ручку, она легко поддалась. Петли даже не скрипнули, и в тот момент я готова была поставить свечку за того, кто когда-то догадался их смазать. Бесшумное открытие двери меня несказанно обрадовало, уже закрывая её за собой, я услышала на лестнице голоса. Видимо, мужчина таки привлёк внимание соседей, либо это я не была такой уж беззвучной.

Честно говоря, на чердаке я оказалась не впервые, были в моей жизни эпизоды, о которых даже вспоминать стыдно, не то что рассказывать, но подобного скопления хлама мне не дово-

дилось видеть ни разу. Чего тут только не было: пара телевизоров, как будто попавших сюда на машине времени прямоком из восьмидесятых, какие-то доски, тюки с тряпьем, коробки, затрудняюсь сказать чем набитые. С балок свисала паутина. Пахло голубиным помётом, отсыревшим тряпьем и ржавчиной. Где-то в темноте что-то шуршало так, будто местные мыши уже оформили ипотеку и теперь считали меня незваной квартиранткой. Под ногами тихо поскрипывали доски, а холод пробирался под куртку так уверенно, будто жил здесь на правах хозяйина. А грязь... Мне-то казалось, что в связи со всевозможными проверками, пожарниками и ещё какими-то там здесь должен быть идеальный порядок и чистота, а нет, мы всё ещё живём в совке.

Добравшись до чердачной двери, выходящей в другой подъезд, я вздохнула с облегчением. Она — хвала безалаберным коммунальщикам — как и предыдущая, оказалась не заперта. А вот зарешеченный выход не порадовал. Щелей, в которые я могла бы протиснуться, не наблюдалось.

«И чего мне теперь делать»? — бился в моей голове единственный вопрос.

Помимо необъяснимого страха, я испытывала зверский голод и к тому же успела основательно продрогнуть. Простуда мне теперь обеспечена, а ещё, судя по преследователю, гарантированы и неприятности и, вероятно, не маленькие.

Походив туда-сюда у решеток, я бросила сумку на ступени и, усевшись прямо на неё, решила немного подождать. Не знаю, провидение ли то было либо мой Ангел-Хранитель решил, что с меня достаточно, но из открытого лифта вышел мужчина азиатской наружности и стал отпирать замок на двери зарешеченного подъема. Меня он увидел не сразу, а только тогда, когда переступил одной ногой порог моей импровизированной клетки. Рабочий уже было открыл рот, видимо собираясь закричать, но я, глядя на него, помотала головой и показала пальцами жест, означающий деньги. Рот он тут же захлопнул и сделал еще шаг в мою сторону, протянув руку с открытой ладонью ко мне. Порывшись в кармане, я вытащила то, что попало, и протянула ему. Это оказалась тысяча, значит, у меня осталось еще пятьсот рублей. На такси до дома хватит, но если приключения продолжатся, то никаких сбережений не останется. С такими растратами по миру пойду... Хотя есть и другой вариант: в подземке милостыню просить. Говорят, нищие неплохо зарабатывают. Если конкуренты не пришибут, стану миллионершей.

Из задумчивости меня вывел всё тот же рабочий. Открыв дверь клетки пошире, отчего послышался неприятный скрип, он улыбнулся и молча указал рукой на лифт. Меня не нужно было просить дважды. Перепрыгнув, как сайгак, через несколько ступеней сразу, я выскочила на площадку девятого этажа и нажала кнопку вызова лифта.

«Кажется, выпуталась», — оказавшись в лифте, подумала я и вздохнула с облегчением. Вспомнив последнюю авантюру и то, как она потом аукалась на протяжении нескольких месяцев, я приуныла. Вполне возможно, что и сегодняшний инцидент — это только начало «невероятных приключений Шурика».

Выйдя из подъезда, начала озираться по сторонам. В памяти были ещё свежи воспоминания о погоне, и этот мужик — чтоб ему пусто было! — мог находиться неподалёку. Но мне и на этот раз свезло. Двор был пуст. Обрадовавшись такой удаче, я отправилась ловить такси.

Мужчина кавказской национальности оказался на удивление сговорчивым. С милой улыбкой, которая сверкнула золотым передним зубом, и словами:

— Садысь, красавыца, вмиг домчу!

Он указал на переднее пассажирское сиденье.

Я загрузилась в машину, ровесницу, наверное, моей бабушки, если бы она у меня была. Бабушка, в смысле. До моего дома доехали и вправду быстро, хотя ехать по Каширскому шоссе в сторону области после обеда — это как играть со своей судьбой в русскую рулетку. Никогда не знаешь наверняка, как всё обернется.

Всю дорогу водитель показывал мне на разбитом телефоне фотографии внучки и рассказывал о том, какая она у него умница. Денег взял ровно по счётчику, ни рублём больше. А я-то поговору, по носу и по старенькой машине уже мысленно записала его в герои анекдота.

Дрянная привычка лепить на людей ярлыки за первые три секунды знакомства. Наверное, это ещё из детдома. Там чужого человека лучше было просчитать заранее, пока он не успел сделать тебе больно. Полезная привычка для выживания, но стыдная для нормальной жизни.

Заходя в подъезд, я уже чувствовала себя практически счастливой. А чего не порадоваться? Жива, цела и уже дома. Сейчас только Вальке позвоню и поинтересуюсь, с какой это стати он меня так подставил?!

Отпустило меня только в лифте — разом, будто кто-то выключил во мне последний предохранитель. Ноги стали ватными, руки затряслись, и я привалилась к стенке кабины, тупо разглядывая нацарапанное кем-то на ней признание в любви какой-то Леночке. Жива. Цела. Дома. Только сейчас, в относительной безопасности, до меня дошло, как близко всё было — и ведь до сих пор непонятно, к чему. Я нервно хихикнула и поймала в мутном зеркале собственное отражение: блондинка с безумными глазами, обнимающая чужую сумку, за которой по всей Москве носятся непонятные мужики. Чудесное начало вечера, ничего не скажешь. Налью-ка я себе чаю покрепче и сделаю вид, что это всё было не со мной.

Открывая ключом родные пенаты, я слышала, как надывается домашний телефон. Ответить я, к сожалению, не успела. Когда схватила наконец-то трубку, там уже раздавались короткие гудки.

Плюнув и решив, что, если кому надо, перезвонят, я запретила себе расстраиваться, все равно ничего не могу поделать. Определителя номера у меня нет, всё жалко денег на новый телефон, а этому уже лет сто. Он мне достался от тётки в наследство, как, впрочем, и вся мебель в этой квартире, сама квартира, а ещё гараж и машина, старая, но резво бегающая BMW.

Тётка моя была человеком небедным. Всю свою жизнь она проработала в сфере торговли и, как вы понимаете, тащила оттуда всё, что могла. Начиная от хрустальных люстр и заканчивая шведскими стенками. Что-то брала себе, а что-то весьма удачно сбывала по знакомым. Денег она насобираала на несколько жизней вперёд.

После развала Союза она честно пыталась встроиться в новую жизнь. Торговала на Лужниках, держала палатки с овощами, потом киоски со всякой ерундой. Пока одни учились бизнесу, другие быстро освоили профессию «отжиматель чужих денег». Тогда это называлось рэкет. Сейчас названия другие, а принцип, если честно, всё тот же: у человека что-то есть — значит, найдётся желающий объяснить, почему это уже почти его.

Тётка платить за право работать категорически отказывалась. Не понимала, с какой радости должна кормить здоровых лбов, которые тяжелее бейсбольной биты в жизни ничего не поднимали. А потом пришёл девяносто третий год и одним махом сожрал все её накопления. Неделью она честно оплакивала не только деньги, но и отечественную экономику, поминая Ельцина такими словами, что, если на том свете есть акустика, ему до сих пор икается. Потом успокоилась, продала дачу за доллары, которые благоразумно прятала в домашнем тайнике, и именно эта заначка в итоге не дала ей умереть с голоду.

Замуж тётушка успела выскочить аж четыре раза, но детей так и не нажила. Как сказала мне однажды она сама: «Я слишком эгоистична, чтобы тратить свою драгоценную молодость на пелёнки и распашонки. Ну а к старости и желание поубавилось, точнее, так и не появилось. Может, я просто не создана быть матерью?»

Детей тётка заводить не собиралась. В те времена подобное считалось почти преступлением. Если женщина не родила, окружающие начинали переживать, кто же подаст ей стакан воды в старости. Тётка только закатывала глаза и рассказывала старый анекдот про еврея, которого всю жизнь пугали этим самым стаканом. Женился, нарожал детей, состарился, лежит

при смерти, вокруг вся родня. Посмотрел на них и говорит: «Странно... а пить-то совсем не хочется».

Как выяснилось позже, тётка опять оказалась права.

Мама растила меня одна, так как отец погиб ещё до моего рождения. Он работал на стройке электриком, и при подключении чего-то там его убило током. Жили мы в общежитии, но этот момент я помню смутно, потому как была очень маленькой. Да и маму я почти не помню, когда она умерла, мне было всего пять. Моя мать приходилась тётке младшей сестрой, и кроме неё родни у меня в живых не было. Тётушка, зная о произошедшем, к себе меня брать не спешила и, соответственно, сиротку определили в детдом.

В детский дом же родственница приезжала не реже раза в пару месяцев. Наверное, её мучила совесть, но не настолько, чтобы забрать племянницу к себе. С собой тётка привозила гору сладостей и обновок. Побыв со мной минут десять и посетовав на мою тяжёлую долю, она отчаливала назад в свою жизнь, в которой для меня места не нашлось.

Со временем я стала ей благодарна. Нет, не за приезды и обновки, хотя и за них тоже, потому как мало кого из воспитанников навещают, а за то, что не забрала меня от туда. Как бы ни смешно это звучало, но именно детдом стал для меня настоящей семьёй, со своими законами и неписаным уставом.

Тётка вообще любила повторять, что за всё в жизни приходится платить. Тогда мне казалось, что это просто очередная взрослая мудрость из тех, которыми любят разбрасываться люди постарше. Но с возрастом я всё чаще ловила себя на мысли, что она была права.

Это я только потом научилась читать такие знаки. Чутьё досталось мне будто взамен погибших родителей — то ли дар, то ли проклятие, не знаю до сих пор. Оно ни разу меня не обмануло и ни разу не спросило, хочу ли я знать. Просто заранее показывало, где будет больно, и молчало о том, как эту боль отвести. За всё нужно платить, говорила родственница. Похоже, за свою чуйку я расплачиваюсь тем, что заранее знаю о беде, но почти никогда не могу её предотвратить.

Скончалась тётка аккуратно в день моего выпускного, а точнее — прямо на нём. Хватив лишнего, она пустилась в пляс, видимо вспомнив времена лихой молодости. Да так растанцевалась, что грохнулась посреди спортзала. Потом врачи сказали, что сердце не выдержало. То ли она предчувствовала свою скорую кончину, то ли просто подстраховалась, но выяснилось следующее: за несколько месяцев до случившегося тётка написала завещание на моё имя и, оформив его по всем правилам, привезла копию директору детского дома. Видимо, решила уберечь единственную племянницу от возможного обмана госчиновников.

Отогнав непрощенные воспоминания, я, сняв куртку, уже было хотела идти в душ. Но решила всё же набрать Валентину, заразе этакому, с вопросом: «Что он там о себе возомнил? На встречу не пришёл, телефон отключил. Оно мне надо было мотаться за его пожитками?» Абонент, как и следовало ожидать, оказался вне зоны доступа.

Я схватила сумку и оттащила её к бабе Марфе, которая жила этажом выше и которой я часто помогала: то с покупками, то с уборкой, то так, по мелочи — сладостей всяких покупала. Да и вообще любила её как родную бабулю, которой, к слову, у меня никогда не было.

Наш подъезд пах по-особенному, и за годы жизни здесь я научилась читать его как книгу. С первого этажа тянуло жареным луком от Зинаиды Павловны, с третьего — Марфиной шарлоткой и валокордином, выше — кошками и чьим-то нескончаемым ремонтом. Двор тоже был самым обычным: три тополя, старая лавочка и облезлая детская площадка. Летом здесь собирался весь дом, зимой — только сугробы.

Когда я только переехала сюда после детдома, местные смотрели настороженно. Чужачка. Сирота. Наследница, свалившаяся неизвестно откуда. Но время сделало своё дело. Незаметно для самой себя я стала здесь своей.

Наверное, потому что настоящую семью не всегда получают при рождении. Иногда её приходится собирать по кусочкам самостоятельно. Из вредного Моисея Альбертовича, из Марфы Васильевны с её бесконечными пирогами, из Барсика, считающего себя хозяином подъезда, и из ребят, которых мне подарил детдом. Семья по выбору. Иногда мне кажется, что она даже крепче той, что достаётся человеку даром.

Как я и надеялась, Марфа Васильевна не стала задавать лишних вопросов. Надо так надо. С чувством исполненного долга я поплелась на кухню, чтобы что-нибудь в себя закинуть, а затем уже сытой отправиться в душ.

Открыв холодильник, я уставилась на пустые полки. Пара яиц и кусок сыра, успевший покрыться плесенью, аппетита мне не прибавили. В морозилке, правда, были пельмени, но благодаря кое-как работающему холодильнику похожи они были на непонятный комок, выглядел который совсем не аппетитно. Тяжело вздохнув, я ограничилась стаканом воды и, успокоив себя тем, что на ночь есть вредно, потопала принимать водные процедуры.

Выйдя из ванной разморенной и сонной, отправилась напрямик на своё мягкое ложе, где с удовольствием провалилась в объятия Морфея.

Проснулась я от того, что замерзла. Не сразу даже смогла понять, почему в комнате так холодно. Шторка в комнате надувалась парусом. Всё ещё находясь в полусне, я потянулась, чтобы включить ночник, а затем уже шлёпать до балконной двери и закрывать её.

— Не надо этого делать!

От неожиданности я взвизгнула.

— Не надо меня пугаться, я пришел поговорить. Пока по-хорошему, — голос раздался из угла комнаты, там у меня стояли кресло и журнальный столик.

Сердце ухнуло куда-то в пятки и заколотилось так, что в ушах зашумело. Чужой. В моей квартире. Ночью. Я лежала, боясь шевельнуться, и лихорадочно прикидывала: балкон распахнут, до двери метра четыре, а между мной и дверью — он, тёмная неподвижная масса в кресле, от которой тянуло сигаретами и спокойной, ленивой уверенностью человека, привыкшего, что его боятся. Тело не слушалось, по спине ползла липкая струйка пота, и единственное, на что меня хватало, — держать голос ровным, чтобы он не услышал, как мне страшно. Страх показывать нельзя. Это я усвоила ещё в детдоме: дашь слабинку — сожрут.

— Что значит «пока»? — спросила я и попыталась рассмотреть сидящего в кресле мужчину. — И почему вы входите в чужую квартиру без приглашения, да еще и ночью? — начала злиться я.

— Потому что не стоило от меня бегать, тогда и навещать тебя не пришлось бы, — сказал он зло.

— Бегать? Когда бегать? — прикинулась дурочкой я, уже прекрасно понимая, кто мой неожиданный гость. Но вот то, как он выяснил мой адрес, да ещё и так быстро, осталось для меня загадкой.

— Не строй из себя дуру! Судя по тому, как ты смогла от меня ускользнуть, ты далеко не глупа.

— Чтобы убегать от вас, нужно для начала иметь таких знакомых, как вы, а у меня их нет! — продолжала я прикидываться постоянным пациентом «Кашенко».

— Каких таких? — искренне удивился ночной гость.

— Таких, которые чистят чужие квартиры, к тому же по ночам.

Мужчина громко расхохотался.

— Ты мультик про Винни Пуха смотрела? — поинтересовался он, отсмеявшись.

— Ну, смотрела, и что? — не понимая, куда он клонит, ответила я.

— Так вот, там есть такая песенка: «Кто ходит в гости по ночам, тот поступает мудро».

— Чушь! — ответила я, начиная злиться. — Там про утро поётся.

— Это сути не меняет! Где монеты? — раздражаясь, ответил он. Теперь настала моя очередь удивляться. Я какое-то время пыталась переварить услышанное.

«Ну конечно, ё-моё! В сумке, видимо, было что-то ценное. Не только ценное, но и тяжёлое. Вполне могли быть и монеты. Но тогда, судя по весу, их там немало. Я ведь идиотка такая, даже заглянуть туда не догадалась. Хотя этот ночной посетитель и соврёт — недорого возьмёт. Так всё-таки, что в сумке-то? Не важно, что в сумке. Я не я, и хата не моя. Главное — придурковато улыбаться и удивляться всему, что он ни скажет», — подумала я.

— Ты чё там, уснула? — гаркнул мой незванный гость. — Где монеты?

— Ка-какие монеты? — от его крика я аж подпрыгнула.

— Те самые, которые ты забрала у старухи!

— Не было никаких монет, только сумка, — заикаясь, проблеяла я.

— Про сумку давай поподробнее. Где она? — потом, как будто что-то вспомнив, продолжил: — Кстати, это не ты случаем старушку на тот свет спровадила? Когда я пришёл, бабулька уже остывала, — поморщившись, сказал мой собеседник, наверное, мысленно воспроизведя увиденное накануне.

«Так, стоп! Почему остывала, и что он такое мог там увидеть? При мне Клавдия Фёдоровна была очень даже жива и здорова, мы попили чаю с клюквенным вареньем. Потом она отдала мне вещи Вальки, именно вещи. И я отбыла восвояси, точнее, на встречу с Валею, чтоб передать ему его пожитки. Ни о каких монетах речи не было. Уж это я бы запомнила. Видимо, этот псих только что всё это придумал. А сумка могла быть тяжёлой из-за каких-нибудь нужных другу мелочей. Валька, например, собирал винтажные канцтовары. Недавно он показал мне дырокол какого-то там лохматого года, который оказался нереально тяжёлым. Так что врёт всё этот мужик», — вынесла я мысленно вердикт.

— Послушайте, мужчина, а вы случаем не разыскиваемый пациент «Кащенко»? Тут по телику передавали, что вроде как сбежал один их товарищ, и они просят всех, кто что-либо знает о его местоположении, срочно связаться с ними. Фото его я не рассматривала, не думала, что понадобится. Но сейчас понимаю, что пригодилось бы. Да и телефон для связи не запомнила. Но это не беда, сейчас мы в интернете отыщем, — с этими словами я двинула в сторону стола, где стоял мой ноутбук.

— Стой, где стоишь, и не делай глупостей, — гаркнул на меня непрошенный гость, но голос его дрогнул.

— Так может, это вы? — обрадовалась я простому ответу на терзавший меня вопрос. — А иначе чего тогда так нервничать?

— Слушай сюда, сучка недоделанная, — прорычал он, больно выкручивая мою руку. Я даже не успела заметить, как мужик оказался рядом со мной. — Сейчас я тебя сам в психушку упеку. Где сумка, мать твою?! Учти, если не скажешь, будет ещё больнее.

Я заскулила от боли. Мне показалось, что ещё немного — и увижу пресловутые звёздочки.

— Валька забрал, — захныкала я, а про себя подумала: моё дело — сумку Валентину лично в руки передать, при этом не важно, что в ней — это дело принципа. А вот с хмырём этим он пусть потом сам разбирается.

— Врёшь, дрянь. Валентин уже никогда и ничего у тебя не сможет забрать. Зачем ему сумка? Ему теперь вообще ничего не надо. Он сейчас, скорее всего, на облачке сидит и ногами дрыгает, — прорычал мой мучитель.

Я похолодела.

«Господи, во что Валя ввязался? Что он такого мог натворить, за что нужно убивать»? — недоумевала я.

А то, что мой незванный гость имеет в виду именно смерть дорогого друга, — это одно-значно. Я пыталась переварить услышанное, но как-то не очень получалось. Это просто не укладывалось в моей голове. «Красный» вполне мог соврать.

«Валька завтра мне позвонит, и мы с ним будем смеяться над словами моего ночного гостя», — мысленно подбадривала я себя.

Глупость какая. Любой нормальный человек на моём месте уже бы поверил. А я почему-то не могла. Где-то глубоко внутри сидело упрямое ощущение, что этот псих врёт. Просто врёт, и всё. Но стоило мне вспомнить его слова, как уверенность рассыпалась.

Нет, смеха не получится. Валентина действительно уже нет и никогда больше не будет. Его убили. Убил! Этот придурок его и лишил жизни, заодно и старушку кокнув, а передо мной тут комедию разыгрывает.

— Я же не сказала, что он лично сумку забирал. Ему дозвониться не смогла. Пришёл парень, представился Сергеем. Сказал, что он от Валентина, за его вещами, ну я и отдала. Откуда мне было знать, что там монеты? Сумка на ощупь мягкая была, ничего в ней не гремело, а по чужим вещам я лазать не приучена. И, кстати, с Клавдией Фёдоровной мы пили чай с вареньем. Ни о какой её ближайшей кончине там и речи не шло. Зачем мне убивать Божьего одуванчика? — я уже была не стеснялась.

Боль была сумасшедшей, но душу грело то, что у меня очень бдительные соседи. Возможно, в эту самую минуту у подъезда тормозят стражи правопорядка. Так что со мной раз-делаться у него не получится. Только бы ментов дождаться, а там я что-нибудь придумаю.

— Чёрт с тобой! Но запомни, если выяснится, что ты меня обманула, то можешь прямо сейчас заказывать себе деревянный домик размером метр на два, — выдал мой ночной гость.

И в этих его словах сомневаться не приходилось, так как за пару минут до того, как он это произнёс, я сама так подумала.

— Твою мать, ты своим воем умудрилась весь подъезд на уши поставить. Оревуар, мадам.

Исчез он так же, как и появился — бесшумно. Но на душе после его прощания остался какой-то странный осадок. Появилось стойкое ощущение того, что меня водят за нос. Было что-то в этом незнакомце такое, что наводило на мысли, что он не тот, за кого себя выдаёт. Что-то наподобие деревенского жителя, приехавшего в столицу и пытающегося сойти за своего. И это его выпендрёжное «Оревуар». Фигня какая-то.

И ведь странное дело: внятно объяснить, что именно меня царапнуло, я не могла, а чуйка вопила в полный голос. Угрозы у него выходили какие-то заученные, через губу, будто он под-смотрел их в плохих сериалах и теперь старательно повторял. Настоящие отморозки, с кото-рыми меня сталкивала жизнь, так себя не вели. Не угрожали, не давили на жалость и не сыпали прибаутками. Они вообще мало разговаривали. Просто делает своё дело. А этот играл — и играл скверно, как самодеятельный актёр, которому впервые доверили роль злодея. Что с этим делать, я пока не представляла. Но твёрдо решила: при следующей встрече, а в том, что она будет, я почему-то не сомневалась, присмотрюсь к этому артисту повнимательнее.

То ли от холода, то ли от страха, но зубы отстукивали похоронный марш.

«Тьфу ты. Чтоб ему провалиться», — подумала я и тут же услышала, как кто-то пытался выломать мою несчастную старушку-дверь, которая держалась из последних сил.

— Иду! — прокричала я, ища что-нибудь из одежды. Так ничего по пути и не найдя, открыла дверь в чём была.

Мужчины в форме, как по команде, сначала посмотрели на мою пижамку, весьма скром-ную, но очень маленькую по присутствию в ней ткани, потом на мои босые ноги. Один из них, отодвинув меня в сторону, прошёлся по квартире, но, никого в ней не обнаружив, вернулся на исходную позицию.

— С кем вы десять минут назад скандалили у себя в квартире? — с задумчивым видом поинтересовался всё тот же мент, разглядывая меня.

— Во-первых, практически до самого вашего прихода я спала. Во-вторых, что вы делаете на пороге моей квартиры в четвёртом часу утра? И наконец, в-третьих, кто дал вам право самовольно заходить на мою жилплощадь и разгуливать по ней в своей грязной обуви? Или думаете, что я молчать на этот беспредел буду? Дудки, завтра же откатаю жалобу вашему начальству, — дабы поскорее отшить всю их уже порядком поднадоевшую братию, рявкнула я.

На самом же деле мне просто хотелось остаться поскорее одной и привести собственные мысли в порядок. А как выпроводить ментов? Правильно, начать возмущаться. Лучшая защита — это нападение. Действует всегда безотказно.

Этому фокусу я научилась ещё в детдоме, где умение вовремя огрызнуться спасало вернее, чем умение оправдываться. Виноватого добивают, а на того, кто сам прёт буром да ещё грозит жалобами, обычно машут рукой: себе дороже. Главное — не дать опомниться и первой перехватить инициативу. Я набрала в грудь побольше воздуха, нацепила маску оскорблённой в лучших чувствах добродетели и приготовилась окатить служивых праведным гневом. Внутри при этом всё тряслось мелкой дрожью, но об этом им знать было совершенно не обязательно.

Мужчины посмотрели на меня в недоумении. В это время открылась соседская дверь, и на лестничную площадку высунулась взлохмаченная голова местного партизана.

— У неё это было, зуб даю! Я вообще сначала подумал, что кожу с неё снимают, так она визжала, — прошамкал сосед, Моисей Альбертович Ротшильд.

С ним у нас дружба не задалась с самого моего водворения в этой квартире. Поначалу я ещё пыталась как-то подружиться со старым подпольщиком, то сладости ему покупала, то продукты всякие. Он же от меня ничего не брал. Совал мне под нос свою костлявую ладонь в виде кукиша со словами: «Выкуси! А вот хрен ты меня отравишь! Я вообще свою квартиру государству завещаю!». Это, скорее всего, было неправдой, потому что ни один настоящий еврей не отдаст своё добро даром, тем более государству. Но спорить с ним не хотелось, а доказывать, что его квартира мне не нужна, — тем более. Со временем я поняла, что пытаться подружиться с Моисеем Альбертовичем — дело пропащее, и попытки свои прекратила.

Покойную тётушку сосед обожал, а меня называл: оккупанткой, плутовкой, прохиндейкой, мошенницей, шарлатанкой, проходимкой — ещё много как, всех его ругательств и не вспомнить, отправившей милую женщину на погост ради имущества. О чём он не единожды выговаривал мне при случайных встречах у подъезда или на лестнице. По его мнению, я была самозванкой, пудрящей всем мозги. Переубедить старика не представлялось возможным, а вот понять, наверное, можно было...

Знать бы, что всё так выйдет, я бы хоть раз напросилась к тётушке в гости да познакомилась бы с её соседями, чтобы потом приبلудной не считали. Про меня ведь до моего появления в этой квартире никто и слыхом не слыхивал. Хотя... Вполне возможно, что тётушка, сославшись на какую-нибудь ерунду, отказала бы мне от дому. Почему? Вероятно, осуждения людского боялась. Разговоров о том, что единственную родную кровинку в детском доме оставила. Не просто же так она столько лет обо мне молчала. Кто ж теперь скажет наверняка, что ею в тот момент двигало...

Не знаю, был ли сосед потомком того самого Ротшильда или нет, но если был, то наследства ему не перепало. Жил он, конечно, не бедно, но и до богатства ему было далеко. Оттого, наверное, и стал он таким занудой и врединой. А ещё Моисей Альбертович, как недремлющее око, круглосуточно отирался у своего дверного глазка. Мимо него не то что воры — мышь не смогла бы проскочить. Не удивлюсь, если выяснится, что в юности сосед трудился надзирателем на благо Третьего рейха. Хотя с его родословной он был скорее по другую сторону колючей проволоки.

Впрочем, грех мне было над ним смеяться. Из всей своей семьи Моисей Альбертович пережил войну один. Мальчишкой его вытащили из эшелона чужие люди, а мать, отца и трёх

сестёр он больше никогда не увидел. Всю жизнь он копил деньги и трясся над каждой копеейкой не от жадности. Просто однажды у него отняли всё и сразу.

Наверное, поэтому сосед и торчал у дверного глазка сутки напролёт. У которого украли целый мир, до старости боится, что украдут ещё что-нибудь.

Человек — это не фамилия, не национальность и не анекдоты, которые про него рассказывают. Моисей Альбертович был славным стариком. Просто вредным до невозможности. Да и чего греха таить, подтрунивать над ним мне нравилось. К тому же поводы для подколов он подкидывал постоянно, а потому удержаться было практически невозможно.

— Дед, так это ты ментов, ой, простите, полицию вызвал? — спросила я, придурковато улыбаясь, хотя и так знала, что это дело рук старика.

— Тамбовский волк тебе дед, — зло ответил Моисей Альбертович.

— Может, тебе это приснилось, дед? — не отставала я от соседа, чем ещё больше злила старого подпольщика.

— Я в трезвом уме и галлюцинациями не страдаю, ты орала, гадом буду!

Гад в понимании старика был существом наихудшим, а потому к упоминанию сего ругательного слова он прибегал только в крайней степени огорчения. Сейчас, видимо, был как раз тот самый случай...

Спорить с Моисеем Альбертовичем было всё равно что плевать против ветра — себе дороже, а толку ноль. Этот божий одуванчик с характером цепной собаки караулил свой дверной глазок круглосуточно и считал святым долгом сдавать меня то участковому, то домоуправу, то, кажется, самому мирозданию. Голубой мечтой его жизни было застукать меня на чём-нибудь этаком и торжественно вывести на чистую воду. И вот, считай, звёздный час: настоящие менты, ночь, крики, оккупантка во всей красе. Да он теперь месяц спать будет спокойно, как младенец.

— Ладно, — проговорила я двум стражам правопорядка, поочерёдно переводящим взгляды с меня на Моисея Альбертовича. — Как вопрос решить? Теперь, наверное, за ложный вызов придётся платить? — сказав это, я покосилась на соседа.

Реакцию его я знала наперёд, потому и упомянула деньги. Скрыгой он был жуткой, что и не мудрено, еврей ведь. Они, говорят, все такие.

— Вот ты и плати, — буркнул старик и захлопнул свою дверь.

— Вы его извините, — начала я заступаться за соседа. — Он хороший старикан, только вредный до жути.

— Слушайте, гражданочка, нам до вашего соседа, да и до вас, дела нет. Вызов был? Был! Мы приехали? Приехали! Если у вас всё в порядке и заявление вы писать не будете, то нам далее ехать нужно. До свиданья и не кричите во сне сильно, а то ваш сосед в следующий раз роту ОМОНа вызовет с сообщением о террористах, — при этих словах brave ребята дружно заржали и потопали вниз.

Постояв немного на лестничной клетке, я, вернувшись в квартиру, первым делом закрыла балкон.

«Надо брать кредит да менять входную и балконную двери, окна тоже лучше поменять, на всякий пожарный случай. А то ходят тут всякие, как у себя дома», — подумала я, задёргивая штору.

Пытаться уснуть в четвёртом часу утра — дело зряшное, особенно когда поскорее хочется заглянуть в сумку, тем самым подтвердив или опровергнув свои догадки. Но пугать Марфу Васильевну своим появлением посреди ночи я считала большим свинством, поэтому отправилась на кухню варить себе кофе и думать о том, как жить дальше.

Пока вода в турке закипала, я влезла на табурет и достала с кухонного ящика сигареты с зажигалкой. Ругать себя было бесполезно. Уже как сотню раз обещала себе, что это в последний раз. Но каждый раз, случись какая-нибудь фигня, начинала дымить заново. Спрашивается:

если не собиралась больше курить, зачем прятала сигареты? Почему было просто не выбросить? Ответа на этот вопрос я не находила. Вероятно, всё дело в моей загадочной русской душе.

Налив кофе в чашку, я открыла форточку и, сев на своё коронное место, закурила. Подоконник на кухне — был отдельной тёткиной гордостью: при ремонте она заказала вместо стандартной — широченную столешницу, чуть не в полметра глубиной. Использовала его, как маленький ботанический сад. Я же растения не очень жалую, вот и отдала их все под частую Марфе Васильевне, после чего использовала подоконник исключительно, как место для курения и мозгового штурма. Я на нём практически жила. Вот и сейчас, покуривая сигарету, я перебирала в уме события вчерашнего дня.

Валька, позвонивший мне утром, был чем-то сильно взволнован. Рассказать мне причину своей нервозности он не пожелал. А я списала это на неприятности на работе. Трудился мой любознательный друг в Историческом музее на Красной площади, и страсти подчас в этой богадельне кипели нешуточные. А что, если это было что-то другое? Знала ли я, что Валька занимается копательством? Конечно, знала. Я и сама не раз была с ним на раскопках. Именно Валька научил меня обращаться с металлоискателем. И находки, как правило, были весомыми. Друг мало что оставлял себе. Почти всё из найденного он сбывал Льву Абрамовичу, имеющему свой магазин с антиквариатом на Арбате. Я, к слову, не единожды была там вместе с ним. Приходили мы к закрытию, уж не знаю почему, но таково было пожелание владельца.

Антиквар был вполне милым дядькой, не без своих тараканов, конечно. Но пакости с его стороны ждать не стоило, потому что он, как никто иной, был заинтересован в постоянных поставщиках. Коим и был мой покойный дружок. Если, конечно, «красный» не соврал и Вальку действительно кто-то отправил к праотцам.

В то, что это сделал сам «ночной гость», я верить отказывалась. Слишком уж он был скользким и каким-то ненастоящим. А вот надобности во вранье «красного» по поводу смерти друга я не видела. Оставался вопрос: как он об этой самой смерти узнал? Был свидетелем? Или... кроме «был свидетелем» в голову ничего не лезло. Если он очевидец, то почему всё ещё жив? Если зрителем не был, то как узнал? На этот вопрос мне мог ответить только сам «ночной гость», в том, что мы с ним ещё встретимся, я не сомневалась. Вопрос — как скоро эта встреча произойдёт и чего мне от неё ждать?!

Про то, что мне стоит гроб заказывать, это он, конечно, погорячился, но подложить свинью этот товарищ запросто сможет. Знать бы, откуда ждать пакости. Понять бы ещё, каким боком во всей этой истории замешан «красный»... Ну не у него же Валька монеты упёр в конце-то концов! Если даже мне друг не сказал про ценности, то как об этом разнюхал мой «ночной гость»? И в то, что Валентин стал бы что-то красть, я поверить не могла... Находить и откапывать — да, но воровать — это не про друга!

Но сильнее всего меня донимала чуйка. Та самая, которая ещё ни разу меня не подводила. «Красный» суетился громко, по-дилетантски: погоня, балкон, дешёвый форс. А рядом всё это время будто стоял кто-то ещё — тот, кого я не видела ни разу, но чьё присутствие ощущала кожей. На чердаке, пока я пряталась за решёткой, в воздухе мелькнул запах — резкий, аптечный, как в процедурном кабинете. Я тогда списала его на хлорку и безалаберных коммунальщиков. Теперь, прокручивая всё заново, я понимала: дело не только в «красном». Есть кто-то ещё. И этот кто-то не суется. Он ждёт. Дилемма: они вместе или каждый сам по себе?

За четыре года найденного с Валькой добра было продано немало. На вырученные деньги мы смогли не только привести в порядок детский дом, в котором выросли, проведя там внутренний и наружный ремонт, но и сменить окна с разошедшихся деревянных на современные пластиковые. Поменять практически всю мебель и даже оборудовать компьютерный класс для воспитанников. В планах было приведение в порядок актового зала. Но, видимо, что-то пошло не так...

Для постороннего это были просто стройка и сметы. Для нас — другое. Я слишком хорошо помнила, как сама ребёнком сидела в актовом зале с продавленными креслами и облупленной сценой, как пела на утреннике, глядя в зал, где с потолка сыпалась штукатурка, а линолеум прохудился до дыр. Мы клялись друг другу, что у наших, нынешних, всё будет иначе: тёплые окна, новые парты, рояль вместо разбитого пианино. Это были не наши пожелания и прихоти — это был долг, который мы, выросшие, отдавали себе маленьким. Вот почему я готова была мотаться по всей Москве с чужими монетами и врать ментам, если понадобится. В подобных историях мы с Валькой уже оказывались и раньше, так что выкручиваться умели. Бросить это на полпути значило предать тех детей. И себя ту, маленькую.

Так почему же Валька утаил от меня, что в сумке ценное? Может, не мог говорить по телефону, боясь, что его слушают? Такое ещё можно было понять. А вот откуда взялись сами монеты — это уже другой вопрос. В то, что он отправился на раскопки посреди зимы, да ещё и без меня, верить я отказывалась. Но и то, что он их у кого-то слямзил, я тоже всерьёз не воспринимала. Так откуда взялось золотишко? В том, что монеты, скорее всего, серебряные или золотые, я не сомневалась. Потому как стоимость таких экземпляров всегда на порядок выше, чем обычных. Не зря же «красный» так суетится.

Я зябко передёрнула плечами и, спрыгнув с подоконника, пошла в комнату за тёплым свитером. А немного подумав, прибавила к нему ещё и штаны с носками. Прихватив так же блокнот с ручкой, я вернулась на кухню. Сварив себе ещё кофе, уселась за стол и продолжила вспоминать вчерашний день, делая пометки на листе.

Итак, я могу съездить к антиквару и попытаться узнать, когда он виделся с Валькой в последний раз и не было ли у них договорённости встретиться на днях. Погоняв эту идею, я отказалась от неё как от очень опасной. Если за мной присматривают, а этого я исключать не могу, то это обязательно привлечёт внимание. Пользоваться мобильным и домашним телефоном тоже пока не стоило. Ну, с сотовым проблем не возникнет, симку я куплю где-нибудь в переходе, телефон для неё возьму там же. А вот со стационарным...

От домашнего так просто не избавишься: номер мой знают все, и если вдруг перестать брать трубку, это само по себе вызовет вопросы. Ладно, с городским буду решать по ходу. А мобильник свой я надумала на время приберечь для отвода глаз, все же важные звонки делать с левой, купленной в переходе симки.

Чувствовала я себя при этом полной идиоткой — как в плохом боевике, ей-богу. Но лучше перебдеть и выглядеть параноиком, чем недобдеть и выглядеть покойником. Этому нехитрому правилу меня выучила сама жизнь: доверяй, но проверяй, а лучше вообще не доверяй — целее будешь. Философия печальная, зато рабочая.

С мысли меня сбил телефонный звонок, который нарушил царившую в квартире тишину. От неожиданности я дёрнулась и опрокинула чашку с кофе. Слетев со стола, она упала на пол и разлетелась на кусочки.

— К счастью, — глядя на коричневое пятно, расплзающееся по плитке, проговорила я.

Телефон продолжал заливаться. Не понимая, кому я могла понадобиться в такую рань, пошла в прихожую, где он находился.

— Шурик, что же теперь будет? Как вообще это могло произойти? — заходила в рыданиях Анька.

То, что это она, я поняла сразу, потому что так меня не называл больше никто.

— Остановись и объясни, где ты и что случилось, — пытаюсь привести подругу в чувство, проговорила я.

У самой же душа от страха ушла в пятки. «Неужели что-то с ребятишками?» — пронеслось в моей голове.

— Я на дежурстве сегодня. Мне позвонили сейчас и сказали, что он мёртвый, на опознание надо ехать. Но как мёртвый? За что его вообще могли убить? Он же такой хороший был и

добрый, дети его очень любили и каждый раз ждали его приезда. А он мёртвый. Что я детям-то теперь скажу? — захлёбываясь слезами, бормотала подруга.

— Если ты сейчас внятно мне всё не объяснишь, то я приеду и сама тебя убью! — разозлилась я. — Кто тебе звонил и кого надо опознавать? И почему звонили именно тебе?

Хоть я и задавала ей вопросы, сама-то уже начала осознать, по какому поводу звонок. Значит, «Красный» всё же не соврал. Верить в это не хотелось, но прятаться от ужасающей правды дальше просто невозможно. Я же не страус, в конце концов... Но от сердца немного отлегло, услышать то, что друга больше нет, я была морально готова. Но вот вынести вторую беду я бы не осилила, поэтому мысленно порадовалась, что в детском доме всё было в порядке.

— Прости, Шурик, прости... Звонили из полиции, это они так сказали. Но звонок был с мобильного Вали. Я взяла трубку, думая, что это он, а они сказали, что найден труп мужчины. При нём обнаружены документы и мобильный, но опознать всё равно нужно. Я сначала подумала, может, какая ошибка, но, когда они стали зачитывать его данные, — на этих словах Анька опять заревела.

— Ань, а почему тебе набрали? Почему не кому-нибудь другому? — поинтересовалась я тем, что очень меня беспокоило в данный момент, хотя понимала, что подруге сейчас не до вопросов, ей необходима моя поддержка.

— Валя мне утром звонил, сказал, что к восьмому марта у нас новый актовый зал будет, с креслами, техникой и музыкальными инструментами. Обещал вместо старого пианино настоящий рояль. Представляешь? — воодушевлённо хвасталась Анька, даже всхлипывать перестала. — Он даже предварительный заказ на выполнение работ сделал и оплатил, а мне сказал рабочих дожидаться. А потом уже я ему звонила, это вечером было. Потому что приехали рабочие и начали демонтировать кресла. Я хотела у него спросить, нужно ли какие-то документы подписывать, а Валентин не отвечал. Полицейский сказал, что я последняя, кто с ним разговаривал, поэтому мне и позвонили. Я вообще сначала...

Аня ещё что-то продолжала говорить, но я её уже не слышала.

Так, вот оно как получается?! Значит, мои звонки Вальке на телефон кто-то стёр? Для чего, спрашивается? А не тот ли это товарищ, что сегодня в гости через балкон заходил? Так этим он меня только подставил, и неслабо. Теперь можно большую ложку готовить, а лучше сразу половник, чтобы предстоящие неприятности расхлёбывать. В полиции не дураки работают, и, запросив выписку телефона, обязательно выяснят то, что пытался скрыть «красный». Чёрт! Нужно придумать, что говорить следователю, когда он вызовет к себе на «знакомство». А то, что он вызовет, я не сомневалась.

— Ты со мной на опознание поедешь? — долетел до меня голос подруги.

— Конечно поеду. Только как ты собираешься приехать, у тебя же смена? С кем дети останутся? — проговорила я, а сама вздохнула.

Удовлетворять своё любопытство по поводу содержимого сумки придётся потом.

— Я уже тёте Маше позвонила, рассказала. Она сказала, что сейчас приедет. А я с Михалычем поеду, надеюсь, что машина в пути не сломается. На опознание надо в Судебно-медицинский морг «Царицыно», Валю где-то в районе метро Каширской нашли.

При этих словах я икнула. А это уже становится дико интересным. Значит, он был где-то совсем рядом. Где же тебя убили, друг ты мой сердешный? А главное — за что?

— Ну так ты со мной или нет? — спросила с надеждой Анька.

— Конечно с тобой, только сделаем вот как: Петрович довезёт тебя до Обнинска. Макдональдс рядом с «Royal Palace» помнишь?

— Конечно помню, — радостно взвизгнула она. Видимо, перспектива оказаться на опознании одной не пришлась ей по душе. Анька вообще была жуткой трусихой. А тут морг...

— Вот и отлично, ждать тебя буду там.

— А ты успеешь? — то ли с сомнением, то ли с надеждой спросила подруга. — В Москве же, как обычно, всё стоять будет.

— Пробки будут в центр, а я в область поеду. В общем, ждать тебя буду там, заодно и позавтракаем. И назад тебя потом сама отвезу, я всё равно сейчас в свободном плавании.

— Хорошо. Ладно, побегу, а то там тётя Маша приехала, — Анька нажала на отбой, а я отправилась собираться, убрав перед этим осколки и вытерев с пола кофейное пятно.

Топая от дома к гаражному кооперативу «Старт», я не раз успела помянуть добрым словом свою усопшую тётушку. А больше — её заботу о себе любимой, благодаря которой мне не нужно ехать за машиной на другой конец города. Ну или ставить авто под окнами, а потом чистить от снега. Достаточно сделать пятиминутную прогулку к гаражам, куда я и направлялась в данный момент.

Гаражи радовали глаз ярким зелёным цветом, краску обновили в прошлом году. Среди грязного снега выглядели они прямо-таки нарядными. Бокс, купленный тётушкой, а ныне принадлежащий мне, находился в третьем ряду. Ничего интересного, кроме авто и летней резины для него, я там не хранила. Но когда он мне только достался, хлама там было несметное количество.

Люди, имеющие советскую закалку, привыкли собирать старьё с объяснением для себя и близких, что, мол, в хозяйстве всё пригодится. Оттого, наверное, почти все балконы забиты неработающими холодильниками, пылесосами времён восьмидесятых, проржавевшими газовыми плитами и трёхлитровыми банками. Иногда, проходя под таким вот хранилищем «добра нажитого», становится страшно от того, что этот балкончик прямо сейчас решит обвалиться тебе на голову под тяжестью размещенного на нём барахла.

Родственница моя исключением не была, но вещи, отжившие своё, хранила не на балконе, а в гараже, отчего машина там еле помещалась. Я весь нажитый ею хлам выкинула, а освободившийся бокс использовала строго по назначению.

Открыв ворота и ожидая, пока разогревалась машина, я пританцовывала от холода рядом. В голове, как в улье, роились мысли. Сосредоточившись, я пыталась дословно вспомнить наш последний разговор с Валентином.

Он был на нервах — да, напуганным — нет. Просьбу забрать сумку я восприняла без восторга. Поначалу я искала тысячу причин, чтобы отказаться. Очень уж было неохота покидать свою уютную и тёплую квартирку. Валька же стал меня уговаривать, повторяя, что для него это жизненно важно и положиться он может только на меня. Он ещё что-то плёл про поездку в Брянск. Вот только что? Тогда я не прислушивалась к его словам, была занята сложным выбором: есть шоколадку сразу всю или оставить половину на вечер. Сейчас же от злости была готова надавать себе подзатыльников, если бы я была в силах это сделать. Может, он говорил про Брянск, имея в виду посещение детского дома? А если нет? Знать бы наверняка.

Выгнав машину из гаража и закрыв ворота на замок, я поехала в сторону Обнинска. Часы показывали половину шестого утра, и дорога была абсолютно свободной.

Москва в такой час особенная — заспанная, синяя, ещё не натянувшая своё дневное злое лицо. Фонари размазывали по снегу жёлтый свет, светофоры исправно перемигивались на пустых перекрёстках, а редкие машины пролетали мимо так быстро, будто спешили воспользоваться короткой передышкой до начала утреннего безумия. Город только просыпался. Не было ещё пробок, толкотни, нервных гудков и вечно куда-то бегущих людей.

Я люблю столицу именно такой. Тихой. В такие часы она кажется почти честной. Не пытается произвести впечатление, не хвастается своими огнями и высотками, не давящей своей вечной спешкой. Просто существует. Большая, холодная и немного уставшая.

Когда-то в детдоме Москва представлялась мне чем-то вроде сказки. Огромной, шумной и недостижимой. Мне казалось, что здесь живут какие-то особенные люди, у которых всё получается. Потом выяснилось, что люди здесь самые обычные. Со своими бедами, радостями и

тараканами в голове. Но город мне всё равно понравился. Может быть потому, что именно здесь у меня впервые появилось что-то своё. Своя квартира, своя машина, своя жизнь.

Дабы дать возможность своему мозгу отдохнуть от нелёгких дум, я включила магнитола погромче, настроив её на «Русское радио». За окном тянулась серая, придавленная зимой подмосковная трасса — голые перелески, поля под грязным снегом, редкие заправки с мигающими вывесками. Из колонок мурлыкало что-то про любовь и разлуку, я подпевала вполголоса и думала: вот же, всего сутки назад жизнь моя была простой и понятной, а теперь я еду опознавать собственного брата и кошусь на каждую машину в зеркале.

Дорога до места встречи с подругой пролетела незаметно. Припарковавшись у Макдональдса, я отправилась внутрь ожидать Аньку.

Сев за столик у окна, достала из сумки свой блокнот. Поразмышляв немного на тему: а не заказать ли мне кофейку, решила, что перебуюсь. Сконцентрировавшись на действующих лицах произошедшего, я стала переносить свои мысли на бумагу. Нарисовала в центре листа круг и вписала туда Вальку, а от круга же сделала несколько стрелок. Под одной написала «Монеты», вторая вела к слову «Музей» — месту Валькиной работы, третья указывала на моего ночного гостя — «Красный» значилось под ней. Под четвёртой стоял «Лев Абрамович», чем чёрт не шутит, а под пятой я поставила знак вопроса.

И поймала себя на странном. Мне было страшно — а где-то под страхом, стыдно сказать, азартно. Я разматывала этот клубок, как когда-то раскладывала на доске сложную задачу. Пальцы сами тянулись к ручке, а в голове одна за другой выстраивались версии.

«Тоже мне преподавательница высшей математики. Вместо того чтобы лекции студентам читать, сижу и составляю схему убийства собственного друга. Ну и задачку ты себе нашла, Александра Сергеевна», — мысленно фыркнула я и тут же вернулась к своим записям.

А впрочем, почему бы и нет. Убийство — это ведь та же задача, только вместо иксов и игреков люди, а вместо ответа в конце учебника — чей-то труп.

Дано. Первое: Вальку убили не случайно — за сумку с чем-то ценным, скорее всего за монеты. Второе: убийца знал и про меня — пас у светофора, нашёл квартиру за полдня. Значит, он не со стороны. Третье, хотя нет, вернёмся ко второму: «Красный» не тянет. Выпендрёжник, актёр недоделанный, возможно даже мошенник, но не мясник. Есть кто-то ещё.

Найти. Этот кто-то и остаётся главным неизвестным. Я выписала в столбик всех, кто мог знать про монеты, и стала вычёркивать. Антиквар? Глупо: ему выгоден живой поставщик, а не труп. Музейные? Если бы Валька вынес ценности из музея, шум стоял бы до небес, а там тишина. Случайный поделщик?

И вот тут у меня похолодело в животе. Потому что всё больше казалось, что в этой истории кому-то было нужно вовсе не содержимое сумки. Кому-то был нужен именно Валька. Я отложила ручку и посмотрела на свой листок, исчерканный стрелочками. Красиво, логично, стройно — и почти без толку. Слишком много неизвестных.

«Тоже мне, нашла себе задачку, Александра, — подумала я. — В институте за такое решение без ответа вlepили бы пару».

Что-то мне подсказывало, что ответ я узнаю. Узнаю обязательно. Вопрос только в том, не окажусь ли я к тому моменту следующей строчкой на этом листе.

— У вас не занято? — спросил приятный мужской голос. Я подняла глаза и рядом с собой обнаружила парня с подносом, на котором стояло два бумажных стаканчика с кофе. Он уселся напротив и, протянув мне один из них, улыбнулся. Кофе я взяла и, поблагодарив, отхлебнула из предложенного стаканчика. После чего зажмурилась от удовольствия, потому что в нём оказался обожаемый мной капучино.

«Мысли ты читаешь, что ли?» — подумала я, рассматривая незнакомца, а поглазеть было на что.

Высокий и широкоплечий шатен с огромными выразительными жёлто-зелёными глазами, обрамлёнными чёрными пушистыми ресницами. Несомненно, глаза были его визитной карточкой, прямо-таки кошачий взгляд. И если верить тому, что глаза — это зеркало души, то здесь вместо зеркала был омут. Хотя и помимо глаз было на что обратить взор.

Я смотрела на него и привычно, почти автоматически, раскладывала на детали — как раскладываю всё, что меня настораживает. Слишком спокойный для случайного знакомства. Слишком внимательный взгляд — не раздевающий, как у большинства, а цепкий, оценивающий, будто он не девушку в кафе разглядывает, а свидетеля на допросе. Руки спокойные, сидит вполоборота к залу, машинально держит под контролем и вход, и мой блокнот. Такие к красивым блондинкам «случайно» не подсаживаются. Такие сначала просчитывают.

Мент. Или бывший мент, что в моей ситуации было ничуть не легче. После ночного гостя я не верила никому в радиусе километра, а уж красавчику с капучино, угадавшему мой любимый кофе, — и подавно. Совпадений я не люблю с детства. В моём уравнении он был ещё одной неизвестной, и я твёрдо решила: пока не пойму, что он за фрукт, не расслаблюсь ни на грамм. А то, что сердце при этом вело себя как-то подозрительно неровно, я списала на нервы и недосып.

Под обтягивающей водолазкой бугрились мышцы. Одет он был просто и без выпендрёжа: кожаная куртка с воротником-стойкой, которая сейчас была расстёгнута, чёрная водолазка и джинсы. Если бы не ночной визит «Красного» ко мне в квартиру, я бы решила, что парень меня клеит.

А что? Девушка я красивая. Миниатюрная блондинка с вьющимися волосами и кукольными чертами лица. Маленький носик, маленький рот и большие голубые глаза с загнутыми ресницами. Я не люблю краситься и без косметики выгляжу значительно моложе своего возраста.

Но что-то подсказывало мне, что рядом со мной этот парень оказался не просто так. На моего «ночного визитёра» он, конечно, похож не был, фигура не та, да и ростом значительно выше, но... Может, у меня уже паранойя? Так или иначе, выясним по ходу пьесы. Попивая кофе, я скалила зубы, гадая о том, что последует дальше. Парень не разочаровал.

— Загадку разгадываете? — мотнув головой в сторону блокнота, спросил незнакомец. — Давайте вместе, так интереснее.

— Давай, — решила не церемониться я и перешла сразу на ты. — Я Саня, а тебя, следователь, как звать?

Парень, видимо не ожидавший от меня такой прыти, поперхнулся обжигающим напитком.

— Я тоже Саня. А почему сразу следователь? У меня что, на лбу написано, что я мент? Теперь пришла моя очередь удивляться.

— Удостоверение покажи, — с придурковатой улыбкой потребовала я.

— А нету, — развёл он руками.

— Ну да, ну да, — почесав нос, проговорила я, ухмыляясь.

Видимо, обидевшись на моё неверие, он полез в телефон со словами, что сейчас мне докажет. Копался достаточно долго, в итоге что-то там найдя, сунул мне под нос свой мобильный. На снимке были несколько мужчин в форме, в том числе и мой собеседник.

— Листай фото, не стесняйся, — довольный собой, проговорил Александр.

Фотографий оказалось немало, и были они, судя по всему, разного времени. Повода ему не верить у меня не нашлось.

— Так куда всё-таки удостоверение твоё делось? — всё ещё с недоверием уточнила я, возвращая телефон владельцу.

— Сдал при увольнении.

— Чего? — округлила я глаза. Или он врёт, как дышит, или... Додумать я не успела.

— Уволился я, говорю. Уже третий день как.

— А чего уволился-то? Хлебное же местечко, и платят вроде неплохо, и приработок всегда найти можно.

— Вот из-за этого и уволился. Не сошлись наши взгляды на жизнь с новым начальством, — грустно проговорил собеседник и опустил голову.

— Взятки, что ли, запретил брать? — вроде как усомнилась я. Но...

Было в нём что-то такое, что хотелось верить ему безоговорочно, сразу и навсегда. И это, честно говоря, меня очень пугало. Слишком уж он казался правильным, но по опыту я знала, что таких ментов не бывает.

— Вот видишь, и ты туда же! Все знакомые этот вопрос задают. Дело у меня было, там сынок одних толстосумов девчонку изнасиловал. А у неё из родни — одна бабка, да и то полуживая. Девчонке только-только шестнадцать исполнилось, а этому уроду двадцать три, но вот мозгов — кот наплакал. Я хотел его посадить, а наш сказал дело закрывать за отсутствием улик. А девчонку в шею гнать, мол, сама хороша. Каким отсутствием? Там этих улик попой жуй. И девчонка — ребёнок совсем, про неё никто ни одного плохого слова не сказал. Вежливая, в школе хорошо училась. С соседями всегда здоровалась, и дверь придержит, и сумки донести поможет. В общем, золото, а не ребёнок. Зато сынок этот — та ещё мразь. Вот и турнули меня по собственному желанию. Ты не думай, я не жалуюсь, всё равно бы ушёл. Понял ведь уже, что не сработаемся. Ну что, Саня, сама-то ты где трудись?

— Я? Сейчас я в отпуске, — решила приврать я.

Зачем соврала? Наверное, потому, что на его фоне чувствовала себя... не знаю кем, но явно не собой. Был он весь такой красивый, хороший, правильный. Сладкое — это всегда вкусно, но если со сладостью переборщить, то тошнить от приторности начнёт точно. Так и здесь. Может, я просто придираюсь?

— А после отпуска? — продолжил наседать Саша.

— Это профессия наложила свой отпечаток или ты всегда так знакомишься? — задала я встречный вопрос.

— Не хочешь отвечать — не отвечай, — улыбнулся он.

А я подумала, что так же Александр и с подследственными, наверное, разговаривал. Улыбнулся — и вроде как свой, рубаха-парень. Улыбка у него красивая, обезоруживающая просто. Так и хочется ему душу открыть, рассказав всё, что знаешь, и что не знаешь тоже. Нда... Знать бы ещё, что же мне за фрукт попался?

Мои размышления прервала Анька, появившаяся за спиной у Александра.

Подруга — это одно сплошное недоразумение. Нет человека более наивного на свете, чем Аня, она доверчивая до безобразия. Обмануть её проще простого. Зато она никогда обманывать не станет. Анютка — человек из серии «на уме то же, что и на языке», и наоборот. Природа упаковала подругу по максимуму: высокий рост, внешность жгучей брюнетки с пухлыми губами и карими, миндалевидной формы глазами. К этому прилагаются бюст три плюс, осиная талия и задница как на заказ. По умственным способностям фору даст любому умнику и при всём при этом Анька — это совершенное дитя. Главным желанием простодушной подруги является неземная любовь с примесью мексиканских страстей, как в мыльных операх. И это несмотря на то, что её и нашего общего одноклассника Стасика зовут женихом и невестой с самого детства.

— Кто это? — задала она вопрос одними губами и указала пальчиком на Сашу. Видимо, почувствовав её взгляд, он обернулся.

— Вы Сашина подруга? — спросил он, обращаясь к Аньке. — Значит, это вас мы ждём?

— Да, а вы? — переводя непонимающий взгляд с меня на Александра, спросила она.

— А я Саня, — представился мой собеседник и протянул ладонь.

Анька потупила глазки, но ладонь пожала.

— Мы завтракать-то будем или ты меня хочешь голодом уморить? — капризно обратилась она ко мне, а сама продолжала коситься на Сашку.

— Я вас угощу. Уж Макдональдс мне по карману. Что будете, милые дамы? — дурашливо поинтересовался Александр и, выслушав от нас пожелания, ушёл к кассе.

— Какой же он красавчик, — мечтательно пропела подруга, закатив глазки. — И откуда ты их только берёшь? Что ни парень, то мечта. Я за всё время ни с одним таким так и не познакомилась, все какие-то слишком постные, без перчинки...

— Хватит трещать, сорока. Это хорошо, что ты успокоилась, с соплями я бы тебя точно не осилила.

— Ты так и не сказала, где ты его, к слову, откопала?!

— Нигде! Он сам приبلудился, буквально полчаса назад. Лучше вспомни ещё раз поточнее, что сказали господа полицейские, когда тебе звонили?

— Я всё тебе уже рассказала. Зачем мне второй раз одно и то же повторять? Ничего нового я не скажу, — недовольно пробурчала она.

Пока мы припирались таким образом, вернулся Сашка.

— Налетайте, — проговорил он, поставив перед нами поднос с едой. Все активно заработали челюстями. Первым нарушил тишину Александр.

— Так, куда едем?

Анька вопросительно посмотрела на меня.

— Лучше ответь, что ты тут делаешь так рано? Тебе же вроде на работу не надо? Так как?

— Я от бабули еду, она здесь, в Обнинске, живёт. Об увольнении говорить ей пока не стал, чтобы не переживала. Вот и пришлось выметаться ни свет ни заря, чтобы у неё вопросов не возникло, — добродушно ответил он.

О бабушке он говорил особым, теплеющим голосом — так говорят только о тех, кого по-настоящему любят. Было видно, что свою старушку в Обнинске он обожает: ездит к ней, бережёт и даже плохие новости от неё прячет, чтобы лишний раз не тревожить.

— А живёшь ты где? — не унималась я.

— На Царицыно.

— Рядом, значит...

— В каком смысле рядом? — насторожился парень.

— Мысли вслух. А работал тоже в Царицыно?

— Тоже. Ещё вопросы будут, моя госпожа? — смеясь, спросил он.

— Не называй меня так! — передёрнула я плечами.

— Как скажешь, моя госпожа.

Я насупилась, хотя понимала, что он меня просто дразнит. Анька же переводила непонимающий взгляд с меня на Александра.

— Ну так куда отправимся? — повторил он свой вопрос.

— Нам в морг нужно, на Царицыно, — влезла подруга, видимо решив, что если не вмешается, то я пошлю нашего добровольного помощника подальше. И была недалеко от истины.

— Ух, нифига ж себе дела! Началось утро, называется, — скривился наш собеседник и отложил недоеденную булку с котлетой. — Рассказывайте, что случилось.

Анютку дважды просить не пришлось. Это мне она повторять свой рассказ не хотела. А уж для Сашки расстаралась. Выложив нашему собеседнику всё, она выпила газировки и уставилась на него взглядом преданной собаки, ожидающей дальнейших указаний хозяина.

— Значит так, поедem на моей машине, а по дороге я позвоню знакомым ребятам и по старой дружбе узнаю, что там к чему.

— Ну уж нет, — возмутилась я. — Свою машину я здесь не оставлю. Да и вообще, не кажется ли тебе, что ты раскомандовался?

Мой вопрос Александр проигнорировал, что ещё больше меня рассердило.

— Значит, сначала поедem на двух машинах до твоего дома, а там ты пересядешь ко мне. Да, Анечка? — улыбаясь во весь рот, обратился он к подруге.

Та с радостью закивала в ответ.

— Саша прав, — проговорила Аня и с надеждой посмотрела на меня. — Зачем нам на двух машинах ездить?

«Охренеть, она его даже не знает, а уже на край света за ним согласна бежать! Вот бабы дуры!» — обижаясь непонятно на кого, подумала я.

— Так куда едем? — как ни в чём не бывало поинтересовался наш собеседник и подмигнул мне.

— Вот ответь, тебе-то это зачем? — уже понимая, что от него не отделаешься, но из вредности спросила я.

— А всё равно дома делать нефиг. А так и занятие появилось, и компания есть, — скаля зубы, ответил Александр.

— Ладно. Едем к моему гаражу, — сдалась я и назвала адрес.

Мы вышли из кафе, и я направилась к своей машине. Выяснилось, что Александр припарковался рядом.

— Недешёвая у тебя машина, а говорил, что взятку не берёшь. Или в полиции так хорошо платят, что следователи на Рэндж Роверах разъезжают? — не преминула уколоть я парня.

— Машина — это подарок родителей, они у меня в Америку уехали жить. Отцу российская власть осточертела, вот родители и подались на Запад.

— А ты чего не уехал? — не унималась я. — Сидел бы себе сейчас за бугром и не шлялся по моргам с незнакомыми девицами.

— Ну с девицами, как ты выразилась, я уже познакомился, и женское общество мне всегда приятно, тем более девушки такие красавицы, — заливался он соловьём. — Ну а морг меня не пугает, насмотрелся за время работы.

— Ну-ну! Почему не уехал-то с предками, спрашиваю?

— А фиг его знает. Может, ещё и сменю страну своего пребывания. Но не сейчас. Здесь бабушка, к тому же она старенькая и из России ни за какие коврижки не переедет. Да и что я там в той Америке делать буду? Не бизнесмен я. Мне моя работа нравилась.

— Ну так и шёл бы в американскую полицию. Следователи, они же везде нужны.

— Ага, и как ты себе это представляешь? Это здесь я следователем был... Как мне с подследственными разговаривать, когда я и двух слов по-английски связать не могу?!

— Так выучишь английский, — порадовала я его. — Люди же как-то учат?!

— Мне языки не даются, — вздохнув, пожаловался он. — И вообще, хорош болтать, поехали.

Спорить с ним не имело смысла. Загрузившись в машины, мы направились в сторону Домодедово. Анька возжелала ехать с Александром, но я настояла на том, что до гаража она едет со мной. А про себя подумала: «Хрен его знает. Стелет-то он мягко, но бережёного Бог бережёт. Я вообще чужим не доверяю. А красивым парням — в особенности.»

Подруга на меня дулась, оттого и молчала. А я, пользуясь затишьем, включила музыку и сосредоточилась на езде. Как и стоило ожидать, надолго её не хватило.

— Сашка тебе нравится? — сделав музыку тише, поинтересовалась она.

— Прикалываешься? — бросив на неё взгляд, спросила я.

Ну и что ещё ей сказать? Рассказывать, что на его фоне я чувствую себя закомплексованной дурочкой, которая ищет, к чему бы придраться, точно не стоит.

— Нет, я серьёзно! Так нравится или нет?

— Ань, я его знаю столько же, сколько и ты, — ушла я от ответа.

— Это не имеет никакого значения! Человек тебе либо нравится, либо нет. Мне он нравится, Александр хороший. Нам вот помочь хочет...

— Ань, ты мыслишь, как ребёнок. Внешность человека, как и его слова, ни о чём не говорит. Судить нужно по поступкам. А для поступков нужно время.

— Шура, ты рассуждаешь, как тётя Маша. Только ей уже пятьдесят шесть лет, а тебе ещё двадцать восемь. Если так рассуждать, то старой девой можно остаться. Заведёшь себе ближе к старости пару котов, а ухаживать за чужими детьми пойдёшь, так как своих не будет, с такими-то мыслями. А я старой девой быть не хочу. Я мужа хочу и деток, — надулась подруга.

— Так и выходила бы замуж за Стасика. Он тебя ведь зовёт. Чего артачишься? Хороший парень, проверенный, а главное — мы его всю жизнь знаем.

— Вот и выходи за него сама! — разозлилась Анька.

— Я бы с удовольствием, да боюсь, он в восторг от твоего предложения не придёт, — растянула я рот в придурковатой улыбке.

Сама же знала наверняка, что замуж если и выйду, то только по любви. Для галочки мне и даром не надо.

— Ну как ты не понимаешь? Стасик понятный и предсказуемый, до зубного скрежета. А мне страсти хочется, да такой, чтобы голову потерять, — мечтательно проговорила подруга.

— То, что башка у тебя лишняя, я уже давно поняла. А вот то, что ты неприятностей на свою задницу ищешь, — это для меня открытие. Вся эта муть про страсть до головокружения только в твоих романах встречается, а в жизни всё по-другому. Для тебя приключение — из Брянска в Москву на пару дней приехать. Ты — комнатное растение и без опеки пропадёшь. Какие тебе страсти-мордасти? Тебе и нужен такой мужчина, как Стас: любящий, надёжный, заботливый. А будешь перебирать, нарвёшься на какого-нибудь идиота, который в пылу своей страсти начнёт тебя поколачивать. Или вообще придушит, как Отелло Дездемону. Оно тебе надо?

— Почему сразу поколачивать? — опешила Аня.

— Потому что на большее не способен. Знаешь, сколько таких по матушке России? А бабы-дуры терпят, успокаивая себя тем, что бьёт — значит любит. А каково детям, которые эти побои видят? Что из них потом вырастет — ты об этом подумала? Хочешь страстей — смотри сериалы по телику и сопереживай, а замуж за надёжного надо выходить.

— Так почему не выходишь? — не успокаивалась подруга.

— Потому что надёжных не так много и не всем так повезло, как тебе, дура ты неблагодарная, — в сердцах проговорила я.

В то время, когда все наши девчонки влюблялись, я математику учила. Ну не было во мне всех этих романтических соплей. Я и завидовала им втайне, хотя и не подавала виду...

«А может, я ревную?» — вдруг подумала я.

Но отогнала пришедшую на ум мысль от греха подальше. Сашка мне понравился. Что ни говори, а он хорош. Нет, здесь не только во внешности дело. Вокруг меня всегда было полно парней, и красавчиков среди них было немало. Но здесь что-то другое, и ведь не объяснишь так сразу. Но чем-то он меня зацепил. Это и нравилось, и не нравилось мне одновременно. Ладно, поживём — увидим.

Всю оставшуюся дорогу мы молчали. Анька дулась, а я просто отдыхала от её болтовни, слушая музыку. Машину Александра я увидела издалека, он остановился у въезда в кооператив. Вот кому придёт идея покрасить машину в ядовито-жёлтый цвет? А главное, зачем? Выпендрёжник.

— А Саша уже нас ждёт, — обрадовалась подруга.

— Вижу, — буркнула я и проехала мимо. Он поехал следом. Остановившись, я вышла и направилась к гаражу, а Анька потопала к машине нашего сопровождающего. Не хватало мне ещё, чтобы она в него втюрилась. Блин.

— Подождать меня сложно было? — спросил он, помогая мне открыть ворота.

— Я что, немощная, что ли? — хмыкнула я в ответ.

Его поступок был мною оценён, но спокойствия мне не добавил.

— Ты на кого больше злишься: на себя или на меня? — подойдя ко мне вплотную, спросил Сашка.

От неожиданности я икнула и, прошмыгнув мимо него, уселась в свою машину, дабы загнать её в гараж. Он смотрел на меня и улыбался, видимо разгадав мой манёвр.

«Ну и чёрт с ним, пусть зубоскалит, — сказала я себе. — У меня других забот полно».

Поставив машину, я замешкалась, чтобы забрать свою сумку, а когда собралась выходить, стало понятно, почему он улыбался. Саша прикрыл ворота, оставив в них крохотный проём. Теперь выйти наружу я могла, только приблизившись вплотную к этому умнику.

— Ну и? — грозно спросила я.

— Ты всегда такая колючка? Или только мне так повезло?

— О каком везении речь? — слышали мы голос Анны из-за ворот.

— Это ты у него спроси, — протискиваясь мимо Александра, проговорила я.

Повесив замок на ворота, я направилась к машине, собираясь сесть на заднее сидение, но и здесь он меня опередил.

— Прошу, моя госпожа, — распахнув передо мной переднюю дверь с придурковатой улыбкой, проговорил Александр.

— Ты с этим завязывай. Ещё раз меня так назовёшь и я дам тебе в зубы, — начиная закипать, пообещала я.

— Когда ты злишься, ты становишься ещё красивее, — продолжая зубоскалить, пропел парень.

— А ты извращенец, — не осталась я в долгу.

— Откуда ты знаешь? — выпучил он глаза в притворном испуге и захохотал.

Подружка, наблюдавшая за нашей перебранкой с заднего сиденья, отвернувшись, обиженно засопела. Я чувствовала себя свиньёй.

— Ань, ты чего? — спросила я, повернувшись к ней.

Ответить мне она не успела, так как у меня зазвонил мобильный и, нажав громкую связь, я жестом показала всем молчать.

— Санёк, что случилось? До Ани дозвониться не могу. Позвонил в Брянск, там какой-то переполох. Никто ничего толком объяснить не может. Говорят, что с Валентином что-то случилось.

— Стас, Анька со мной. Мы в морг едем на опознание. Ане менты звонили, сказали, что Вальку убили.

— Что за чёрт? Как убили? Кто?

— Да не знаю я ничего. Мы только едем туда, — проговорила я.

— Ладно, я сейчас на Тульской по делам. Говори адрес, я через пятнадцать минут освобжусь и сразу приеду, — последовал ответ.

Я продиктовала адрес, и мы договорились встретиться возле морга.

— Кто это был? — спросил Александр, выезжая на дорогу.

— Стас. Мы с ним в одном детдоме были.

— Ты детдомовская? — с недоверием уточнил он, поворачиваясь ко мне.

— На дорогу смотри, а то в морг мы уже как трупы попадём.

— Шура, не говори так! — шикнула на меня Анька.

— Анна, а вы тоже из детского дома? — не унимался наш водитель.

— Да, мы все из одного. Валька тоже с нами вырос, а теперь вот оно как получилось, — всхлипнула подруга и отвернулась.

Оставшуюся дорогу до морга мы ехали молча. Остановив машину возле морга, Александр вышел и закурил, стоя рядом с авто.

— Дай и мне тоже, — попросила я, обойдя машину.

— Курить вредно, — протягивая мне сигарету, поучал меня умник.

— Ну вот и не кури, — не осталась я в долгу.

Пока мы препирались, рядом с моргом остановились две полицейские машины, но, как выяснилось, не по нашу душу. Заблокировав зад и перед машины, припаркованной неподалёку от нас, полицейские долго мурыжили водителя, потом, пересадив его в свою машину, уехали.

Меня происходящее неподалёку жутко заинтересовало, и я решила подойти поближе, взглянуть, что за машина привлекла внимание Александра. То, что это он вызвал наряд, я знала наверняка, так как слышала его разговор по телефону. Но значения этому тогда не придавала.

Каково же было моё удивление, когда я увидела уже знакомый мне мерседес. В том, что это та самая машина, что караулила меня на Каширской, я не сомневалась. Характерная вмятина на капоте была тому подтверждением. Только в этот раз номерные знаки оказались чистыми, и значился на них тульский регион.

Интересно девки пляшут... Значит, не поверил мне «Красный», решил покататься следом. Занятно.

Я вернулась назад к курящему у своей машины Александру. А чуть позже подъехавший эвакуатор забрал машину «моего ночного гостя». Сашка при этом довольно ухмылялся.

— Ну и чего ты скалишься? — не выдержала я.

— Любуюсь, как нашего сопровождающего спровадили. А вёл он нас от самого Обнинска. Я сначала подумал, что за мной. Но нет, товарищ был по твою душу... Что скажешь?

— Не знаю, о чём ты, — задумчиво буркнула я.

А в голове стала гонять, видела ли я эту машину по дороге в Обнинск или нет. Блин, даже если и ехал этот тип за мной, я на него просто не обратила внимания. То, что это «Красный», — сто процентов, а вот почему его забрали, это интересный вопрос. Он что, преступник? Конечно преступник, порядочные люди ночью по чужим квартирам не шастают.

То ли я озябла, то ли разнервничалась, но меня начало потряхивать, а зубы выбивали дробь. Александр подошёл сзади и, расстегнув свою куртку, обнял меня, пытаясь согреть.

— Отвали, — устало проговорила я, но отстраняться не стала, потому что почувствовала сквозь ткань тепло, исходящее от его тела.

— Переживаешь?

— Да, — не стала я врать.

— Мне кажется, ты знаешь больше, чем твоя подруга. Не спрашивай откуда знаю, просто чувствую. А своему чутью я верю. Что Валентин натворил?

Я отбросила сигарету и, повернувшись к Сашке, прижалась к нему плотнее и обняла. Сейчас его тепло казалось мне спасительным. Он хмыкнул, но ничего не сказал. Должно быть, его не меньше, чем меня саму, удивил мой неожиданный порыв.

Я стояла, уткнувшись лбом ему в ключицу, слушала, как ровно бьётся под курткой чужое сердце, и удивлялась самой себе. Не было ни бабочек в животе, ни киношного головокружения — было другое, незнакомое и оттого почти пугающее: ощущение, что можно на секунду не держать спину, не быть всё время начеку, переложить часть тяжести на кого-то ещё. Я не помнила, когда позволяла себе такое в последний раз. Кажется, никогда. И от этого хотелось то ли расплакаться, то ли стоять так до утра — назло всем моргам, монетам и убийцам на свете.

— В том-то и дело, что не знаю, — проговорила я. И, перестав взвешивать все за и против, начала рассказывать. — Он позвонил мне вчера и попросил забрать его сумку с вещами со съёмной квартиры. Встретиться мы должны были на Каширке, но не встретились. Зато появился некто, очень пожелавший забрать эту самую сумку.

— Красный? Ты в блокноте писала.

— Да, он был в красной куртке. И это его гайцы упаковали.

— Я так и подумал. В смысле, что отслеживал он исключительно твои перемещения. Ну так и что там с сумкой? — Ему удалось её забрать? — с сомнением спросил Сашка.

— Нет, — честно ответила я. — Он меня напугал, и я удрала.

— Я почему-то и не сомневался. А дальше?

— Дальше? Дальше этот тип заявился ко мне домой среди ночи. Напугал меня до чёртиков.

— Надеюсь, ума не открывать квартиру у тебя хватило?

— Шутишь? Он залез ко мне через балкон, — увидев, как Сашка выпучил свои и без того большие глаза, я покаянно продолжила. — Да есть у меня дурная привычка — квартиру проветривать.

— Нифига себе заявочки. Ты что на первом этаже живёшь?

— Ага, я от этого тоже в восторг не пришла. Но только не на первом, а на втором. Но сути это не меняет. Слил он тоже через балкон, когда менты приехали. Извини, — спохватилась я.

— За что? Я же там больше не работаю. Да и не собираюсь. И что менты? Кто их, кстати, вызвал? — как ни в чём не бывало поинтересовался Сашка.

— А ничего. Я им сказала, что спала. А вызвал их сосед, потому что моя беседа с гостем была отнюдь не милой. Пришлось сказать проверяющим, что я во сне кричу.

Пока мы разговаривали, рядом с нами остановилась машина Стаса. Он, наверное, один из всего нашего класса, чья внешность казалась совершенно непримечательной. Блондин со светло-голубыми глазами. Белёсые брови и ресницы были практически незаметны на его лице. В детстве, когда все загорали как шоколадки, Стас становился цветом зрелого помидора. Но в его копилку можно было положить большое количество хороших черт характера: доброту, порядочность, терпение и умение договариваться с любым собеседником. Плюс к этому — преданность и честность. Не многие могут похвастать таким набором качеств, а тем более бизнесмены. Стасик мог, но никогда не хвастал. Гордыня у него отсутствовала абсолютно.

Стаса все звали ходячей добродетелью, и, наверное, были правы. Во всяком случае, со стороны именно так всё и выглядело. Но мало кто видел, чего эта добродетель ему стоила.

Его ровность была не от душевного покоя, а от железной хватки человека, который однажды решил, что больше никогда не будет беспомощным. Дом, который он выстроил для Аньки, не спросив её, пекарни, что открывал одну за другой, — всё это он городил, как стену от собственного страха снова остаться ни с чем.

Он не умел просить. Умел только давать — потому что дающего труднее бросить. Я любила его за это и за это же на него злилась. Стас так старался быть надёжным, что иногда забывал быть просто счастливым.

Подойдя к нам, он протянул ладонь Сашке. Они обменялись рукопожатием, параллельно познакомившись. Потом Стасик по очереди обнял нас с Анькой.

— Ну что, пойдёте? — беря Анну за руку, обратился он к нам с Александром.

Дружной толпой мы направились ко входу.

В морге всё было именно так, как я боялась. И именно так, как старалась не представлять. Холод, от которого моментально стыли ноги. Запах — резкий, химический, формалиновый, забивающийся в горло так, что хотелось дышать через раз. Кафель, выщербленный по углам, гудящие лампы дневного света и эта каталка из нержавеющей стали, на которой под простыней угадывались очертания тела. Человеческого тела. Того, кто ещё несколько дней назад смеялся, спорил и трепал мне нервы.

Простыню откинули до груди — выше откидывать было нечего. И вот тут весь мой математический здравый смысл, вся моя хваленая выдержка едва не сложились, как карточный домик.

Анька хлопнулась в обморок сразу. Подхватив её на руки и сунув ей под нос ватку с нашатырным спиртом, предложенную подоспевшим медиком, Стас вынес подругу на улицу. Я зажала рот ладонью и заставила себя смотреть. Подавляя приступы рвоты, стоически держа-

лась, потому что больше опознавать было некому. Анька — в обмороке на улице, Стас при ней, ребята ещё не подъехали. Кто-то должен был стоять здесь, у этой каталки, и я осталась за всех.

Я смотрела на широкие, знакомые плечи, на родинку под правой ключицей — у Вальки была точно такая же, я тысячу раз её видела, когда мы загорали на раскопках. Всё сходилось. И ничего не сходилось. Потому что родинка которую я помню, должна быть под левой ключицей. Или у меня сейчас плывут воспоминания, или... Мозг отказывался соединять это распластанное на железе тело без головы с моим Валькой — тёплым, болтливым, вечно опаздывающим, рисующим голубей в блокноте. Какая-то часть меня упрямо твердила: это не он, это ошибка, сейчас зазвонит телефон, и он спросит, чего это я опять влипла.

Молодёнький санитар отвернулся, делая вид, что занят бумагами, — привык, наверное, что родственники воют. А я не выла. Я стояла и пыталась понять: он или не он. Без лица. Без головы. По плечам, по родинке, по бледной коже, которую мне даже не дали потрогать.

Краем глаза, у самой стены, я зацепила мужчину — немолодого, аккуратного, в чистеньком, совсем не казённом. Он стоял спокойно, руки в карманах, и смотрел не на каталку, а на меня — ровно, без интереса, как смотрят на витрину, прикидывая цену. От него тянуло чем-то аптечным, процедурным. В другое время я, может, и не взглянула бы в его сторону. Но сейчас мысли и глаза цеплялись за что угодно, лишь бы не смотреть на то, что лежало передо мной. Судмедэксперт, наверное. Или ещё кто-то из местных. Вряд ли в морг пустили бы человека с улицы. Я скользнула по нему взглядом и тут же забыла.

В следующую секунду мир снова сузился до каталки передо мной. Тошнота подкатывала волнами, перед глазами плыло, но я держалась за одну спасительную мысль: пока я не уверена до конца, он ещё немножко жив. Цепляешься за такое, как утопающий за соломинку, и ненавидишь себя за эту трусость. И тогда я вспомнила про татуировку, сделанную Валькой во время поездки в Таиланд.

— Руку покажите, правую руку. На запястье будет тату, — сдерживая приступ рвоты, попросила я.

Так и есть, на запястье была половинка радуги, но не на правом, а на левом.

— Ты уверена, что тату было на правой руке? — с сомнением спросил Сашка.

— Нет, не уверена. Я сейчас вообще ни в чём не уверена. Но тату его — вне всяких сомнений. Странное цветное тату. Я никогда и ни у кого таких не видела, только у Вальки. Это он. Точно он.

Когда мы вышли в коридор, немолодая судмедэксперт сухо объяснила мне то, чего я предпочла бы не знать.

Опознание по особой примете — это для протокола, а не для уверенности. По-хорошему обезглавленный труп устанавливают иначе: по отпечаткам, если они есть в базе, или генетической экспертизой по образцам от родни. «Только покойничек ваш детдомовский, пальчиков его в базе нет, — пожала она плечами. — А на ДНК очередь и месяц сроку. Так что пока — со слов опознающих».

Услышав про отпечатки, про ДНК и про сроки, я понимала, что для них всё уже решено. Валины документы, его телефон, татуировка на запястье — этого было достаточно, чтобы поставить точку. Но у меня почему-то не получалось.

Голова твердила одно, а шестое чувство — совсем другое. Оно буквально вопило, что здесь что-то не так. Что произошла ошибка. Что друг жив. И чем сильнее я пыталась убедить себя в обратном, тем настойчивее становилось это ощущение.

Но видимо первый раз в жизни моя интуиция дала сбой... ошиблась.

— Пойдём, — проговорил Сашка и, сжав мою ладонь, потянул меня к выходу.

На улице мы разделились. Он вернулся назад в морг, а я стала искать глазами Аню. Она стояла, опираясь спиной о стену здания, а по её щекам бежали слёзы. Стаса рядом не было.

— Куда делся этот придурок? — со злостью спросила я. — Какого хрена он оставил тебя одну?

— Не ругайся, Шур. Стас спрашивал, нужно ли со мной остаться. Я сама сказала, что нет. Он ушёл назад в морг, там нужно какие-то бумаги заполнить, чтобы мы могли забрать тело. Тело... Звучит-то как страшно... Но сегодня его нам точно не отдадут. Стасик сказал, что всё организует сам, а хоронить в Брянске будем. Шурочка, за что его так? Он же хороший был...

— Ань, не рви мне душу. Не знаю я, что он натворил. Точнее, догадки-то у меня есть, но это лишь догадки. Скажи, как ты поняла, что это он?

— А это не он? — в её голосе послышалась надежда.

— Он. Просто я не поняла, как ты узнала. Там же... Ну, ты понимаешь...

— Да, у него не было головы... Как такое вообще могло случиться? Зачем кому-то понадобилось отрубить ему голову? Да ещё и с собой забирать? Убийца-маньяк, да? Нормальный же человек такого делать не будет, — глядя в пустоту, бормотала подруга.

— Начнём с того, что у нормального человека не возникнет мысли лишать кого-то жизни. Шестую заповедь помнишь?

— Заповедь. Я-то её помню, но тот, кто это сотворил, о ней, видимо, не слышал.

— Ты, кстати, так и не ответила на вопрос, — напомнила я. — Как ты допетрила, что это Валька?

— Да ничего я не поняла! Увидела то, что лежало на каталке, и всё перед глазами поплыло.

— Тогда почему Стас пошёл заполнять документы на то, чтобы забрать тело? Он узнал Вальку?

— Мне кажется, что Стас ещё даже не осмыслил, что друга лишился. Какое там опознать? А оформлять пошёл, потому что документы Валькины и телефон его. Что ещё нужно? Ты ведь сама сказала, что это он. А ты как узнала?

— Тату.

— Как же я про неё забыла? Эта глупая радуга на правой руке...

— На правой? — я ждала ответа с замиранием сердца. Значит, я действительно не ошиблась, значит, тату действительно было на правой. Что за чертовщина? Кто же тогда в морге? Но Анькин ответ меня разочаровал. Или всё-таки успокоил? Наверное, скорее примирил с действительностью.

— Ну или на левой. Я что помню? Да и какая разница?! Не нравилась мне эта татуировка. Я, кстати, потом читала об этом. В Америке и Европе такую радугу используют ЛГБТ-сообщества. Ну геи там всякие, лесбиянки и прочие приверженцы нестандартной ориентации. Ну, точнее, не радугу, а флаг с радужной раскраской. Но Валька-то наш бабником жутким был, его и дома было не застать, так что это точно не про него. Да и я вообще эту тату случайно у Вали увидела, и только потому, что он, когда стол ребятишкам собирал, свои часы с широким ремешком снял. Так бы и не знала, наверное. Спросила, а он смеяться стал, что у каждого должны быть свои ошибки молодости.

У меня в голове заметались мысли. Часы. Валька был левшой, значит часы носил на правой руке. Тату под часами. Что за чертовщина?

— А ты не помнишь, он часы на правой руке носил или на левой? — осторожно уточнила я, а сама замерла в ожидании ответа. Если всё-таки на правой, значит, я не ошиблась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.